

Aīda Razumovska (*Аида Разумовская*)

ОБРАЗ ЛЬНА В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ: ПСКОВСКО-ЛАТГАЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

В статье представлен опыт осмысления льна как одного из дендро-символов Псковской земли и Латгалии. В устном народном творчестве жителей соседних территорий отражен процесс выращивания и обработки льна, использование его в ритуальных целях в качестве оберега от негативной энергии. Символом родной земли лен выступает в поэзии – псковской (Олег Алексеев, Станислав Золотцев) и латгальской (Мадсолас Йоньс, Антонс Күкойс), чаще он запечатлен визуально – красующимся своей голубизной (Александр Абросимов) или желтизной. Обаятельный образ «моченого осеннего льна» принадлежит поэту эмиграции Юрию Иваску, у которого в воспоминаниях псковский пейзаж возникает из запаха льняной гнили, крепкого «смрада», который он, тем не менее, воспринимает как дар. В прозе другого эмигранта, Леонида Зурова, выросшего на псковской земле, образ льна приобретает вневременной смысл, ассоциируясь с суровым и древним краем. В семантике образа льна находит отражение верность традициям жителей псковско-латгальского пограничья.

Ключевые слова: Латгалия, Псков, пограничье, лен, фольклор, художественная литература, оберег от негативной энергии, символ родной земли.

LĪNU TĒLS FOLKLORĀ UN LITERATŪRĀ: PLESKAVĀ UN LATGALES PIEROBEŽĀ

Rakstā ir piedāvāta līnu kā dendroloģiska simbola analīze, skatot Pleskavas apgabala un Latgales reģiona piemērus. Kaimiņu teritoriju mutvārdu daiļradē ir atspoguļots līnu audzēšanas un apstrādes process, kā arī auga kā aizsarga pret negatīvo enerģētiku izmantošana dažādos rituālos. Līni kā dzimtās zemes simbols parādās kā Pleskavas dzejnieku (Oļegs Aleksejevs, Staņislavs Zolotcevs), tā latgaliešu dzejā (Madsolas Juoņs, Ontuons Kūkuojs), biežāk tas izpaužas tīri vizuāli, spoguļojoties savās ziluma (Aleksandrs Abrosimovs) vai dzeltenuma nokrāsās. Spēcīgs ožu aktualizējošs tēls (mērcēti rudens līni) ir sastopams emigrācijas dzejnieka Jurija Ivaska dzejā. Viņa atmiņās Pleskavas peizāža dzimst no līnu mērcēšanas sīvā aromāta, ko dzejnieks uztver kā dzimtenes velti. Cita emigrējošā prozaiķa Leonīda Zurova, kas audzis Pleskavas pusē, teksts līnu tēls iegūst pārļaicīgu nozīmi, asociējās ar senu un drūmu senatnes zemi. Autors līnu tēla semantikā rod uzticību

<http://dx.doi.org/10.17770/latg2016.8.2235>

tradīcijām, ko glabā Pleskavas un Latgales pierobežās iedzīvotāji.

Atslēgas vārdi: Latgale, Pleskava, pierobeža, linu tēls, folklorā, daiļliteratūra, aizsardzība no ļaunās enerģētikas, dzimtās zemes simbols.

THE IMAGE OF FLAX IN FOLKLORE AND LITERATURE: PSKOV AND LATGALE FRONTIER

The article presents reflections on flax as a floral symbol of Pskov land and Latgale. The folklore of neighbouring lands describes how flax was grown, processed and used for ritual purposes as a protective charm against negative energy. The semantics of flax reflects the archaic character of the homeland in the cultural knowledge of the people of the Pskov-Latgale frontier and their loyalty to tradition.

Flax has always been the main field plant and source of income in frontier lands of Pskov and Latgale. In the world market the most valuable flax among all other types of Baltic and Belorussian flax was Pskov flax fibre.

In the flax growing territories long-lasting folklore traditions were set up, which indicates that flax has always had not only practical but also a symbolic meaning for the peoples of the Baltic States, Belarus and Russia. In the territory of Pskov region the crop fertility rites were practised to ensure the flax crops, for example, horse riding for “tall flax”. Flax fibre was considered to be an amulet, a protection from negative energy. Flax linen sheets were used during childbirth in Latgale, in Pskov land the afterbirth was wrapped in it and given to the midwife; the sick children were wrapped up in the flax prayer tablecloth, etc.

In Russian folklore in the territory of Latgale flax growing and flax processing are frequently reflected in couplets (chastushkas), riddles and lyrical songs. Flax is the symbol of strength and persistence. Numerous contacts on frontier territories have contributed to the plot commonalities of fairy and non-fairy prose, e. g. flax can save man from the evil spirit. Such plots are registered both in the territory of Pskov region and Latgale. The image of flax left the realm of folklore for literature, which is common for both Pskov and Latgale.

Latvian poets create a vivid image of “flax crop fields” which reflect the landscape peculiarity of Latgale. Quite often the image of flax crop fields brings them back the memories about their past life (V. Krāslavietis, P. Antropov – O. Alekseyev). So V. Krāslavietis remembers his native Latgale with the blue lakes, where blue flax is growing, where he rides to visit someone on a horse of cheerful memories. Flax often takes Pskov writers on a journey into the memory (O. Alekseyev, L. Malyakov).

There is an inseparable link of flax with the landscape of Latgale and with the people living there. A. Kūkojs marks parallelism in his daughter’s appearance: curly and thin as Latgalian flax is daughter’s hair. Pskov poet O. Alekseyev uses such comparisons to reveal the power and tenderness of the folk soul.

At the same time flax is associated with human character and soul of people,

who are known for such typical traits as hard work and holiness, sufferings and belief. Purity and tenderness of flax corresponds to the shyness of Latgalian girls (Madsolas J.). Latgale is portrayed as a barefoot “orphan girl” who endures patiently life hardships “under the grey woolen sky” among “the fields covered with flax stalks” (A. Kūkojs).

For the Russian writers (immigrants who used to live in Pskov land and were attracted to it and associated Pskov with Russia) flax symbolizes unbreakable bond of times and loyalty to the traditions of Pskovites (L. Zurov). The image of flax in literature can be not only visual but olfactory as well. Poet Y. Ivask recalls Pskov with its “retted autumn flax”. Stinking smell, “repelling, but healing stench” has the highest spiritual value for the homesick poet. Not the beauty of the blue flax but its repelling stench is taken by the poet as a gift – as it cleanses the spirit.

For Pskov writers of the second half of the 20th century flax field also symbolises the Motherland (S. Zolotsev, E. Borisov, A. Abrosimov) – “golden” and happy, despite the grief periods. The flax field causes them to contemplate, feel tenderness and sadness. The loss of flax, which is the floral symbol of the native land, has been lately regarded by our contemporaries as a break with traditions and oblivion of the past (E. Ermak).

Flax in the literature of Pskov and Latgale is the symbol of the Motherland. It acts as a human being and embodies natural beauty and persistence. In Latgalian poetry the image of flax supports the myth about people who suffer or are orphans, who are hardworking and selfless. In Pskov literature flax depicts fading patriarchal character of the native land; no wonder Pskov is called the land of “flaxen Rus” (V. Sergejeva).

Keywords: Latgale, Pskov, border zone, folklore, literature, protection from negative energy, symbol of the Motherland.

Пограничные Псковская и Латгальская земли испокон веков являются местностями, где лен – главное полевое растение и источник получения прибыли. В 18 веке льном в Псковской губернии засевали 4/5 посевной площади (Шубина 1998: 89), избыток его отправлялся за границу. И в Латгалии, по словам историка Владислава Малаховского, *практически в каждом хозяйстве выращивали лен. В первой половине 20 в. в экспорте сельскохозяйственной продукции Латвийской Республики первое место занимал экспорт льняного полотна <...>. Лен был основой экономической независимости Латвийского государства* (Малаховскис 2012: 416). По оценке специалистов, для льноводства на Псковской земле имеются исключительно благоприятные природные условия: сочетание не очень тучных почв, повышенной влажности в течение всего лета и длительный световой день. Крепости волокна способствуют даже небольшие летние холода. Особенно хорошо лен растет на землях нынешних Порховского и Островского районов (Шубина 1998: 89).

Особую ценность на мировом рынке среди льнов балтийских и белорусских приобрел псковский долгунец. Согласно сведениям Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890–1907), из произрастающих на северо-западе были известны льны псковские, балтийских территорий и, наконец, льны литовские и белорусские. В Бельгии лучшими льняными семенами считались *псковские*, которые шли в продажу под названием *рижских*. Такие семена во всех бельгийских таможах по распоряжению правительства сохранялись отдельно, и для обеспечения покупателей от возможности обмана со стороны торговцев на них клалась особая пломба. Сеяли и свои семена, но они большей частью не давали такого хорошего волокна, как *псковской долгунец* (Цит. по: Брокгауз, Ефрон 1890–1907).

На северо-западных территориях произрастания льна сложилась фольклорная традиция, свидетельствующая о том, что лен испокон веков имел не только утилитарное, но и символическое значение для народов Балтии, Белоруссии и России. На территории Псковской области зафиксированы обряды, способствующие урожаю льна: катание на лошадях в Прощеное воскресенье «на долгий лен» (Шубина 1998: 90). В Фольклорном архиве ПсковГУ есть материалы, в которых *сохранились следы представления об аграрно-производящем смысле всеобщего масленичного катания* (Большакова 2015: 66). Льняное волокно считалось оберегом, способом защиты от негативной энергии. Ткань из льна (простыни) использовали при родах в Латгалии (по: Малаховскис 2012: 417), на Псковской земле в нее заворачивали послед, дарили повитухе; заболевших детей обертывали молебной скатертью из льна (Шубина 1998: 104). *Жителям Островского, Себежского районов, а также старообрядцам Восточной Латвии было известно и тканье на картах – квадратных дощечках с 4 отверстиями по углам, в которые вдевают нити основы. Каждый поворот дощечки на 450 образует зев. Этим способом изготавливали пояса и оборы для лаптей* (Шубина 1998: 103).

Иван Дмитриевич Фридрих, с именем которого связано начало собирания и изучения русского фольклора в Латвии, в 1920-е годы зафиксировал частушки, где упоминается процесс выращивания и обработки льна: *Тятя сеял, я лешила, / В тяти парочку просила. / Погоди, дочка, годок, / Пока вырастет ленок* (Абызов 2004: 35), *Девки мяли, девки мяли, / Я, мальчишка, лен трепал. / Девки Богу умоляли, / Чтоб в солдаты не попал* (Абызов 2004: 161).

Латышская народная культура закрепила уважительное и даже любовное отношение ко льну, о чем свидетельствуют и более поздние экспедиционные материалы, например, загадки: *Батька – шатер, / Матка – шатриха, / Сынки – храпунки, / Дочушки – медушки*. Так представлены токовня, где лен теребят; рей, молотилки, метлы (Даугавпилсский р-н) (Федоров 2008: 103). Или: *Синий цветочек, мал мальшючек, / Мясо бросят, а шкуру изнасят. / В землю малый ушел, / В синей шапке пришел* (Федоров 2008: 265).

Являясь неотъемлемой частью жизни земледельцев, лен присутствует и

в лирической народной поэзии Латгалии: *Посею ленку/ В огороде в уголку,/ Калинка моя, моя малинка моя!/ Ты расти, расти, ленок,/ Тонок, долог и высок,/ Из коренья коренист,/ Из головы головист./ Как я в матушки жила,/ Тонкой пряли [Тонкопряхой] я была,/ Что неделя – то моток,/ А матушка с ноготок./ Как поставила ставок/ С мясоеда до толлок;/ Мое бёдро не бердится/ И колода не вертится,/ С-под поножей, с-под нитей/ Кура вывела детей,/ Кура вывела детей /Девяносто петуней...* (Федоров 2008: 186). По замечанию фольклористов, у древних латышей лен был символом силы и выносливости (Малаховскис 2012: 418). На территории Белоруссии, граничащей с Латгалией, а также и с Псковской землей, лен является национальным символом. Его образ ассоциируется с плодотворным трудом, мирным небом, достатком в доме (Елинская 2009: 70). Цветок льна на гербе символизирует постоянство, следование традициям, преемственность поколений, а также творчество и трудовые успехи людей (Елинская 2009: 70). На соседних территориях также встречается изображение цветков льна в гербе (латгальский город Виляка, Палкино Псковской области), снопы льна украшают герб Дедовичского района.

Каково символическое значение льна у псковичей? Интенсивные межэтнические контакты на приграничных территориях способствовали общности сюжетов сказочной и несказочной прозы, например, о том, как лен спасает человека от нечистой силы.

Еще в 1927 году член-корреспондент АН СССР Василий Иванович Чернышев зафиксировал в окрестностях села Михайловского (Пушкинские горы) сказку, в которой две сестры убегают с игрища от нечистых: *Слышат: за ними бегут [нечистые]. До дому далеко, они забежали за гумно и залезли в реи. Те подбежали. Навстречу им упала вязка льну и говорит [далее дословная запись]: “Постойте, об их не хлопчите. Послушайте, какую я мұку терплю. Вот меня **перво** нача́ли в землю бросать. Потом нача́ли за волосы таскать. Потом срезали с меня голову, бросили меня в воду. Потом вытягали с воды, начали меня трясти. Я лежал на земле проти́и сонца. Потом начали меня сукам пороть”. Тут петух запел, все и кончилось* (Чернышев 2004: 23). Интересно, что в сказке, как и в других фольклорных жанрах, лен уподобляется человеку. И спустя 50 лет в Псковской области бытовала сказка, где лен спасает человека от нечистой силы: *Лен, самосильно лен здесь растет у нас. Когда лен насадили в ёвню [где сушат], мужик лег спать. Стучатся в ёвню черти: “Пусти нас”. А лен деда хотел спасти и говорит чертям: “Мы не пустим. Нас в землю сыпали, мы росли, расцвели, потом нас за волосы таскали, в пучочки вязали и в ёвню сажали – мы тама сохли. Потом прайником били, на поле расстилали; дожжок, холод, голод – мы все молчали. Потом нас подняли, поставили, опять связали, опять в ёвню посажали, опять сушили – все косточки наши посохли. В машине косточки помяли. Потом нас крутили, волосики наши вили, на гвоздянку вешали, на катушки крутили. В воде мы лежали, на поле сушились, потом нас ткали, шили – иголками кололи, на деда рубаху надевали,*

так теперь вместе и ходим”. Так сказали – петух пропел, черти исчезли (ФА ПГПУ 1977: № 83).

В фольклорных источниках на территории Латгалии также отражено представление о льне как обереге от нечистой силы. Например, в деревне Пуша Резекненского р-на в 1985 году записано: *На супротке (вечеринке) мы сидели, лен мяли. Приходят как-то осенним вечером парни: высокие, красивые и увиваются вокруг девиц. Одна уронила клубок, нагнулась и взяла не клубок, а хвост волосатый и поняла, что это не паны, а черти. Одна тоже заметила. По цепочке они передали всем остальным, и одна за другой потихоньку разбрелись. И разбрелись до двенадцати часов, пока сила нечистая в свою полную силу не вошла. А теперь чертей больше нет. Теперь люди – черти* (Федоров 2008: 95). По мнению Юрия Александровича Новикова, именование чертей и оборотней «панами» может быть заимствованием из латышского фольклора (Новиков 2008: 17).

Из устного народного творчества образ льна перешел в литературу, и здесь многое объединяет псковичей и латгальцев. Латышские и латгальские поэты создают яркий образ «льняных нив», которые являются характерной особенностью латгальского ландшафта. Так, Валдис Краславиетис вспоминает родную Латгалию, *где голубые озера, голубой цветет лен*, и куда он едет гостить *на коне светлых воспоминаний* (Krašlavietis 1989: 55). Также известный латвийский поэт, родившийся и живший в Латгалии, Петр Антропов, вспоминает лен наряду с ромашками, васильками, рожью и пшеницей в родных полях, полях детства. Перед ним встает яркий визуальный образ: *Цветущий лен сгорает синим пламенем* (Антропов 2015: 26). Довольно часто и в псковской поэзии лен уводит авторов в пространство памяти: *Льняное полотенце с елками/ Как стяг белеет на стене.../ И память снежными проселками/ Ведет по отчей стороне./ Предания и песни сложены/ Про златотканый, псковский лен./ Стоит, взлелеянный, ухоженный,/ Рососою маковой краплен...* (Алексеев 2001: 16). Картины поля, где зреют хлеба и *...льны угибаются в пояс* (Маляков 1980: 35), вызывают и у Льва Малякова дорогие воспоминания детства. Латгальскому поэту А. Кукойсу важно подчеркнуть связь земного и небесного:

*Arkārt vien lini, linziedi,/ Вокруг только лен, льняные цветки,
Arī debesis linziedu esmē!// Даже небо в льняном бытии!*
(Kūkojs 2003: 116)¹

Неразрывна связь льна не только с ландшафтом Латгалии, но и с народом, проживающим здесь. У А. Кукойса на внешнем сходстве с льном строится портрет дочери: *вьющиеся, тонкие, как латгальский лен, волосы дочки* (Kūkojs 2003: 134). Пскович О. Алексеев, раскрывая «мягкую силу» народного характера, также обращается к сравнениям со льном:

*Ах, лен-ленок, и крепок ты и нежен,
Как руки женщин в псковской стороне.*

¹ Подстрочный перевод здесь и далее литературоведа Илги Шуплинской.

*А у девчонок волосы льняные...
Из дальней дали смотрят на меня,
Что лен в цвету глаза их озорные,
Сиянем синим тихо осеня... (Алексеев 2001: 16)*

В латгальской лирике лен ассоциируется с характером и душой народа, для которого характерны труд и святость, страдание и вера. Мадсолас Й. противопоставляет гордости розы чистые цветки льна, сравнимые с аметистами. Они дороги поэту своей нежностью, отражающей скромность народа:

*Smej kautri latvu meitine, / Смеется стеснительно латышская девушка,
Mirdz acīs debess krōsa, / В глазах блестит цвет неба,
Un poša tautas dvēsele / И сама душа народа
Ir lynu zīdam mōsa. / Является сестрой цветка льна
(Madsolas Jōņs 1998: 23)*

Поэты ассоциируют Латгалию с сироткой, способной жертвовать собой, забывая о себе, потому они обращаются к родине со словами:

*Latgale mana – sērdiene dārgā, / Моя Латгале – сиротка дорогая,
Sargā vēl tevi pilskalni sirmie? / Оберегают ли тебя древние городища?
-Kur sākas ezeri? Kur beidzas līni? / Где начинается озеро? Где
заканчивается лен?
Kas mani pārnākot sagaidīs pirmie? /
Кто меня, возвратившегося, встретит первый?
(Krāslavietis 1989: 55)*

Или у А. Кукойса:

*Aprakš pelēkām vadmalas debesīm, / Под серым суконным небом,
Pāri tūrumiem, līnu stiebriņiem klātiem,
/ Через поле, покрытое льняными стебельками,
Tek, re, kur tek mūsu sirdīs sen aizmirstā sērdienīte!
/ Семенит, смотри, семенит в наших сердцах давно забытая сиротка!
(Kūkojs 2003: 38)*

Родная земля часто предстает на фоне льняных нив.

У русских писателей-эмигрантов, живших на Псковской земле, олицетворяющей для них Россию, лен символизирует неразрывную связь времен и верность псковичей традициям: *За погостом, стоя по пояс в воде, сенские мужики таскали из топкого озера прижатый камнями и ольховыми сучьями вымоченный лен* (Зуров 1985: 143–144). Он выступает вневременным символом этого сурового и привлекательного своей первобытностью места, где и раньше сеяли лен, сотканные из которого рубахи хорошо во время пахоты и боя холодили крестьянские плечи (Зуров 1985: 143). *Здесь мужики сеют лен. Пахут то же поле, которое пахали более тысячи лет. Здесь говорят не «пахать», а «орать»* (Зуров 2014: 228).

Однако образ льна в литературе может быть не только визуальным, но и

обонятельным. Поэт русской эмиграции Ю. Иваск вспоминает Псков именно *мочеными льнами, осенними*. В его памяти псковский пейзаж возникает из запаха льняной гнили, но лирического героя он не отталкивает, напротив, сливается с представлением о родине. Рай Ю. Иваска непредставим без псковского крепкого «смрада», который он готов вдыхать *полной грудью – до печени, до селезенки даже*. Не красующийся голубизной лен, а резко и отвратительно пахнувший воспринимается поэтом как дар:

Смрад едкий, очищающий ноздри Духу –

Долгунца Псковщины – мочимого, мучимого льна.

Полной грудью и на последях из э!-ха, а!-ха

Вечный покой, вечную память осени – просини – на! (Иваск 1970: 19)

О том же Ю. Иваск писал и в книге «Повесть о стихах», вспоминая незабвенный вид *на поля, засеянные рожью, пшеницей, овсом, гречихой и знаменитым псковским льном-долгуном: как он нежно-русо желтел к концу лета. После жатвы лён разбрасывали по полю, мочили, и он одуряющее, но и ободряюще смердел, прожигая ноздри скипидаром: вдохнуть бы опять эту едкую, неистовую, отвратительную, но и чем-то целебную вонь, очищающую нутро, самую душу...* (Цит. по: Радашкевич 2007). Автор виртуозно играет понятиями (*одуряюще, но и ободряюще смердел; отвратительная, но целебная вонь*), которые, казалось бы, должны вызвать отвращение, но, тем не менее, сгущение отрицательных характеристик оборачивается утверждением их как самых дорогих для тоскующего по родине человека. Смрадный запах обладает для поэта высшей духовной ценностью – он очищает Дух. Так «отвратительная, но целебная вонь» псковского льна утверждается почти как сакральное понятие.

Для псковских авторов второй половины 20 в. льняное поле также символизирует родину: *солнце – единственно родное –/ горит над псковской равниной льняною...* (Золотцев 2003: 83). Авторы неизменно подчеркивают безграничность льняных просторов, сливающихся с небом. Лен ставится в один ряд с солнцем и ветром, становится олицетворением родной земли, которую берегут, защищают псковичи: *Не проскачет проселком, по льнам голубым,/ Ни крестовый, ни свейский наемник* (Борисов 2003: 212). Для А. Абросимова цветущий лен вызывает чувство нежности и вместе с тем глубокой печали: *Льняное поле!/ Свет прозрачный твой/ Прекрасен и мучителен/ До боли –/ Невыразимо-бледно-голубой/ Печальный свет/ Льняного поля...//...И вдруг по нервам/ В изумленные глаза/ Нисходит/ Осознаьем сути/ Глубокая голубизна/ И чистая,/ И ясная/ До жути...* (Абросимов 1995: 183). Олицетворяя патриархальность родины, Руси, образ льняного поля окрашен чувством щемящей грусти.

Чаще всего в псковской литературе отражено умиротворение небесно-голубых или желтеющих полей льна: *Голубой июль голубеет льном,/ Синевою горит во взгляде* (Половников 1995: 248); *Соцветий огонек голубоватый/*

Давно утратил перезрелый лен:/ Стоит однообразно желтоватый,/ Лишь васильком слегка подголублен (Борисов 1982: 339). Потому родной край представляется поэтам «золотым», счастливым, радостным, несмотря на периоды ненастья: *Опять поляны, солнцем залитые,/ И лен высок, и ширь во все концы./ И легкие головки золотые/ Как свадебные плещут бубенцы...* (Алексеев 2001: 16) Сравнение созревшего льна со свадебными бубенцами подчеркивает приближение осенней поры – времени свадеб после завершения полевых работ.

Утрата льна – растительного символа родной земли – в последние годы воспринимается нашими современниками как разрыв с прошлым. Они еще помнят времена, когда *ширилось, чаще всего, темно-синее море льняное*, и удручены нынешним забвением традиций:

Вдруг стало все равно: что «киллер», что «мочило».

Мочила ж заросли – росы, мол, хватит льну.

И мальчик-дачник зря выспрашивал у мамы,

Кто вырыл и зачем в низине эти ямы.

Откуда маме знать, что в них мочили лен?

Все это для нее – история чужая.

Погибшему взамен вишневый сад сажая,

Удастся ль сохранить живую связь времен? (Ермак 2004: 151)

Таким образом, в культурном сознании жителей псковско-латгальского пограничья лен занимает чрезвычайно важное место. Устное народное творчество отражает процесс выращивания и обработки льна, использование его в ритуальных целях в качестве оберега от негативной энергии. В псковской и латгальской литературе лен соотносится с родиной, уподобляется человеку, воплощает естественную красоту и стойкость. Но соседние народы наделяют растение и собственной семантикой. В латгальской поэзии образ льна поддерживает миф о народе-страдальце, сироте – трудолюбивом и жертвенном. В литературе Пскова лен подчеркивает уходящую патриархальность родной земли, недаром псковский край называется «льняной Русью» (В. Сергеева).

ЛИТЕРАТУРА

- Krāslavietis, V. (1989) *Savāds sapnis*. Rīga: Liesma.
- Kūkojs, A. (2003). *Kur ņemies, spēks?* Rīga: Sol vita.
- Madsolas, J. (1998). *Luņu zīdi*. Rēzekne: Latgolas Kultūras centra izdevnīceiba.
- Абызов, Ю. И. (сост., 2004). *Русский фольклор в Латвии. Частушки*. (Собрание И. Д. Фридриха). Рига: ЛОРК.
- Абросимов, А. (1995). *Льняное поле!..* Бологов, А. А. (сост., 1995). *Скобари. Сборник произведений псковских писателей*. Псков: Отчина. 183.
- Алексеев, О. А. (2001). Бологов, А. А. (сост., 2001). *Вчера и сегодня XX век. Антология Псковской литературы*. Псков: Псковский литератор. 16.
- Антропов, П. И. (2015) *«Звенят в душе латгальские мотивы...»*. *Избранная лирика*. Рига: Printstils.
- Большакова, Н. В. (ред., 2015). *Псковская Масленица: образы, символы,*

коммуникация. Псков: ЛОГОС Плюс.

Борисов, Е. А. (1982) Пестрит перестоялыми цветами... Бологов, А. А. (сост., 1982). *Синева берегов*. Москва: Современник. 339.

Борисов, Е. А. (2003) Древний храм. Панченко, И. Я. (сост., 2003). *Пскова негасимый свет. Сборник стихотворений*. Псков: б.и. 212.

Брокгаус, Ф. А., Ефрон, И. А. (изд., 1890–1907) Лен. *Энциклопедический словарь* <http://enc-dic.com/brokgause/Len-61787.html>, sk. 15.11.2016.

Елинская, М. М. (2009) Лен в геральдике. Ловчая, Л.В. (сост., 2009). *Лен: энциклопедия*. Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі. 69–70 .

Ермак, Е. А. (2004). Городок. Бологов, А. А. (сост., 2004). *Скобари. Сборник произведений псковских писателей*. Псков: Псковский литератор. 150–151.

Золотцев, С.А. (2003). Три солнца. *Псковская рапсодия. Книга стихотворений и поэм*. Псков: изд-во Областного центра народного творчества. С.83.

Зуров, Л. Ф.(1985). Гуси-лебеди. *Древний путь*. Франкфурт-на-Майне: Посев. 141–148.

Зуров, Л. Ф.(2014). Изборская земля. Пономарев, А. Ю. (ред.-сост., 2014). *Статьи и письма*. Москва: б.и. 226–228.

Иваск, Ю. П. (1970). *Золушка*. Нью-Йорк.

Малаховскис, В. (2012). Лен. Шуплинска, И. (ред., 2012).

Лингвотерриториальный словарь Латгалии Г. Резекне: Резекненская Высшая школа. с. 416–418.

Маляков, Л. А. (1980). *Милосердие весны. Новые стихи*. Ленинград: Лениздат.

Новиков, Ю. А.(2008). Русский фольклор в Латгалии. Федоров, Ф. П. (ред., 2008). *Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963–1991)*. Даугавпилс: Сауле. 11–27.

Половников, В. А. (1995). Голубой июль. Бологов, А. А. (сост., 1995).

Скобари. Сборник произведений псковских писателей. Псков: Отчина. 248.

Радашкевич, А.(2007). *Философия нетленных радостей*. К выходу мемуарной «Повести о стихах» Юрия Иваска http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_68.html, sk. 20.10.2016.

Федоров, Ф. П. (ред., 2008). *Русский фольклор в записях студентов Даугавпилсского университета (1963–1991)*. Даугавпилс: Сауле.

Чернышев, В. И. (сост., 2004). *Сказки и легенды Пушкинских мест*.

Репринтное воспроизведение издания 1950 года. СПб.: Наука.

ФА ПГПУ – *Фольклорный архив Псковского государственного педагогического университета*, Усвятский р-н. № 1657. № 83.

Шубина, Т. Г. (1998). Обработка льна и шерсти, прядение и ткачество. Гадло, А. В. (ред., 1998). *Историко-этнографические очерки Псковского края: Монография*. Псков: ПОИПКРО. 89–108.